

Для психолога или психиатра такие случаи — большая редкость, настоящая удача. Ян Имин смотрел на плотно закрытую дверь ванной, и его мозг работал на пределе: Дин Цзыму нужно удержать рядом, чтобы наблюдать за ним в любой момент. Только так можно собрать материал из первых рук. Нынешнее состояние Дина давало идеальный предлог — причин оставить его у себя было предостаточно. Да и по правде говоря, идти парню было некуда, а помощь ему была жизненно необходима.

Ян Имин знал, что поступает правильно. С точки зрения профессиональной этики, да и просто как учитель и товарищ, он был обязан помочь. В этом вопросе Ян не испытывал ни малейших сомнений. Он выдохнул, успокаиваясь, постучал в дверь ванной и бодрым, легким тоном произнес:

— Дин Цзыму, ты там решил пустить корни? В ванной сыро, там только грибы могут вырасти.

Через пару секунд Дин Цзыму открыл дверь. Лицо его все еще оставалось бледным, но взгляд стал более осмысленным.

— Почему не принял душ? — спросил Ян Имин.

— Я... у меня нет полотенца.

— Ох, забыл, — Ян хлопнул себя по лбу. — Жди здесь, я сбегаю вниз в 7-11, куплю тебе все необходимое.

Не дожидаясь отказа, он пулей вылетел из квартиры. Вскоре он вернулся с пакетом туалетных принадлежностей, но, открыв дверь, замер: Дин Цзыму стоял посреди гостиной.

Комната казалась пустой, по ней гуляли холодные осенние сквозняки, а он замер посреди этого пространства, такой незащищенный, словно его вот-вот унесет ветром. Вид Дина больно кольнул Яна в сердце. Он бросил пакет на пол и в два шага оказался рядом:

— Здесь же холодно, почему ты не остался в спальне? И зачем стоять, когда есть диван?

Дин Цзыму слабо улыбнулся, и Ян Имин отчетливо увидел, как парень наконец выдохнул, почувствовав облегчение.

Ян легонько подтолкнул его в спину, направляя обратно в спальню. Дин следовал за ним по пятам, почти впритык, шагая так быстро, словно за его спиной кто-то гнался. Ян не возражал: он понимал, что это лишь проявление острого дефицита безопасности. Психика Дина сейчас была крайне хрупкой, любое внешнее раздражение могло спровоцировать срыв. В этом чужом месте только Ян был для него знакомым человеком, поэтому такая привязанность была вполне естественна. Вот только сам Ян едва не задохнулся от беготни — знал бы, что парень так нервничает, лучше бы взял его с собой в магазин.

Дин Цзыму ушел в ванную с вещами, а через некоторое время вышел оттуда, весь сияя свежестью. Ян Имин как раз доставал из короба под кроватью постельное белье и, услышав шаги, поднял голову и замер.

Видимо, от пара у Дина появился здоровый румянец, а влажные волосы и ресницы, отражая свет лампы, создавали вокруг него мягкое сияние.

Ян Имин знал, что Дин Цзыму красив, но, как он говорил Ян Шуанмину, красивых людей много — если бы он каждый раз при виде симпатичного лица испытывал трепет, его сердце давно бы не выдержало. Так что красота Дина для него была лишь услугой для глаз, не более. К тому же Ян всегда считал, что должен придерживаться общепринятых норм, поэтому никогда не засматривался на парней. Но сейчас, глядя на Дина в своей старой одежде, Ян вдруг почувствовал нечто странное. Это не было влечением или любовью с первого взгляда — скорее, спокойное, умиротворенное ощущение, похожее на то, что он испытал во время их недавнего обеда.

Казалось, этот человек в этой одежде и должен был находиться здесь, именно в этой позе.

Дин Цзыму чувствовал себя крайне неловко. Он потянул край футболки и пробормотал:

— Учитель Ян, извините... побеспокоил вас.

Ян Имин моментально пришел в себя, кивнул и бодро сказал:

— Одними извинениями не поможешь. Иди сюда, помогай. Держи край кровати, я буду заправлять простыню.

Дин подошел, и Ян, приложив немало усилий, вытянул одеяло. Он сунул его в руки парню и повел его в соседнюю комнату:

— Вот здесь гостевая спальня. Иногда приезжает моя племянница, так что тут чисто. Располагайся пока здесь.

Стоя посреди комнаты, Дин Цзыму на мгновение потерял связь с реальностью. С самого детства он мечтал жить в таком доме: с кухней, ванной, отоплением зимой и кондиционером летом. Жизнь в таких условиях — это безопасность. Никто не перелезет через забор, не будет бить посуду или кричать за стеной. Прошло двадцать с лишним лет, и вот он, в такой запутанной ситуации, оказался в такой квартире. Дин почувствовал даже легкий страх.

Ян Имин сказал:

— Если хочешь спать — ложись. Если нет — можем поболтать.

Дин промолчал. Ян терпеливо ждал, подготовившись к отказу. Ему казалось, что после такого изматывающего дня — и физически, и морально — никто не захочет вести душевные беседы.

Но Дин Цзыму положил одеяло и обернулся:

— Учитель Ян, я хочу с вами поговорить.

Ян Имин не повел его в кабинет, а вернулся в свою спальню. В гостевой давно никто не жил, там было холодно и неудобно. Здесь же, несмотря на беспорядок, было тепло и по-домашнему, а в такой обстановке легче расслабиться и быть искренним.

— Садись куда хочешь, если холодно — устраивайся на кровати, — сказал Ян непринужденно.
— А я поставлю чайник.

Дин кивнул, но остался стоять на месте. Ян не стал настаивать и ушел на кухню. Когда он вернулся с двумя чашками горячего чая, Дин уже сидел на стуле перед письменным столом — ноги вместе, спина прямая, каждая линия его тела выдавала крайнее напряжение.

Ян вложил чашку в руки Дина и серьезно спросил:

— Рассказывай, что с тобой происходит?

Дин Цзыму опустил взгляд в чашку и лишь спустя долгое время начал пересказывать события того дня.

— Понимаешь, у человеческой реакции всегда есть причина, — мягко сказал Ян. — Как не бывает беспричинной любви или ненависти, так и у всего, что с тобой случилось сегодня, есть корень. Расскажи мне, что происходило с тобой в последние дни.

Дин медленно поднял голову, глядя на Яна сквозь пар от чая, и тихо произнес:

— Я потерял работу.

Не давая Яну вставить слово, он продолжил:

— Сезон закончился, в октябре в парке развлечений наступает затишье. Столько персонала больше не нужно, вот нас, временных, и сократили.

Он говорил быстро, словно боясь, что его прервут. Закончив, он посмотрел прямо в глаза Яну,

и в его взгляде читался вызов.

Ян Имин мысленно отметил: Серьезные перемены в жизни, сильная тревожность.

— Ты помнишь, что происходило до и после потери памяти?

— Нет, — Дин покачал головой. — Мне всегда пересказывают другие.

— Галлюцинации часто бывают?

— Нет, только в последнее время, — подумав, добавил Дин. — Раза два или три.

— Ты знаешь того ребенка? Как он выглядит?

— Знаю, — уверенно сказал Дин, но тут же покачал головой. — Но не помню. Учитель Ян, я не знаю, как объяснить, но я действительно его знаю. Даже если не могу вспомнить черты лица или где мы встретились, я знаю, что он мне знаком.

Ян Имин успокаивающе похлопал его по плечу:

— Я верю тебе. А помнишь, где вы познакомились?

— Не помню.

— У него большие глаза?

— Не осталось впечатлений.

— Какого цвета была одежда?

— Наверное... синяя... нет, может быть, черная, или зеленая.

— Сколько лет тому ребенку?

— Восемь.

Сердце Яна пропустило удар. Он слегка прищурился, мысленно выделив слово восьмилетний мальчик. Затем сменил тему:

— Когда ты видел его в последний раз?

— В тот день, когда вы пригласили меня на обед. Когда я вернулся домой, я...

Ян постарался вспомнить тот день. Он был уверен, что когда Дин выходил из машины, он был в хорошем настроении.

— Что случилось, когда ты пришел домой?

— Я... не очень помню. Кажется, кто-то пробрался в квартиру. Ничего не пропало, но все было перевернуто вверх дном... я помню... я вошел... и, кажется, увидел его.

— Он был в твоей комнате?

— Нет, он... просто появился. Я сразу его увидел... но нечетко.

— У него был с собой рюкзак?

— Рюкзак? — Дин нахмурился, погружившись в глубокие раздумья. Ян не торопил его, хотя у него ладони вспотели от напряжения. Он чувствовал, что коснулся какой-то тайны, которая может стать сенсацией.

— Кажется, нет. Но я не уверен.

— Сколько ему лет?

— Восемь.

Когда этот ответ достиг ушей Яна, он отчетливо услышал, как внутри него что-то оборвалось.

Дин Цзыму нахмурился, чувствуя, что сказал что-то не то. Он попытался вспомнить свои слова, и его лицо, и без того бледное, стало еще светлее. Он не помнил лица мальчика, не помнил цвет одежды, не помнил рюкзака, но был абсолютно уверен — ему восемь. Не семь, не девять, а именно восемь.

Почему?

Ян Имин видел, как расширились глаза Дина, в них застыл нескрываемый ужас. Он стиснул зубы так, что челюсть напряглась. Ян понял — Дин на пределе. Он держался лишь за счет остатков гордости или отчаянного желания не сломаться. В такой момент любой вопрос, затрагивающий его внутренний мир, мог привести к полному краху. Ян не рискнул. Он не был

уверен, что сможет в таком состоянии восстановить его психику.

Ян Имин встал и взял Дина за руки, помогая ему подняться:

— Уже поздно, давай спать. Тебе нужен отдых, а мне завтра на работу.

— Учитель Ян? — Дин вздрогнул от неожиданности, и мысли, которые только что терзали его, внезапно отступили. Он чувствовал, как образы того ребенка уходят, словно отлив, и память не могла удержать даже их тени. На их место приходили новые детали: Ян спрашивал, любит ли он высокие подушки, нужно ли поставить воду у кровати...

Эти простые, бытовые, согревающие слова заполнили его сознание. В одно мгновение все конкретные образы исчезли без следа.

Дин видел только улыбку Яна и слышал только его голос. Мужчина спрашивал:

— Какой завтрак ты предпочитаешь? Куплю тебе блинчик перед работой. Внизу есть лавка, там делают Императорские блинчики, очень вкусные.

Дин Цзыму послушно позволил Яну проводить его до двери гостевой спальни.

— Спи, — Ян отпустил его руку и слегка похлопал по спине.

— Но учитель Ян, — сердце Дина было полно вопросов, любой из которых мог свести его с ума. Ему нужен был ответ, чтобы обрести покой, поэтому он упрямо стоял на месте. — Я все еще ничего не понимаю.

— Ты сегодня слишком устал. Нельзя спешить, даже если мы проговорим всю ночь, прогресса не будет, — мягко сказал Ян. — И даже если ты спросишь, я не смогу дать тебе ответ сейчас.

Дин подумал и кивнул:

— Знаю. Если это психологическая проблема, лечение может занять много времени, даже годы.

— Да, это долгий путь. Если понадобится, я найду тебе отличного психиатра.

Дин резко поднял голову:

— Учитель Ян...

— М? — Ян приподнял бровь.

Дин смотрел на него, не решаясь продолжить.

— Что ты хочешь сказать?

— Почему? — Дин набрался смелости. — Разве вы не говорили, что поможете мне?

— Я и помогаю, — ответил Ян. — Но я не практикующий психиатр, я психолог-консультант. Я могу проводить консультации, но не имею права назначать медицинское лечение. Это незаконно.

— А если только консультации, они не решат мою проблему?

— Пока сложно сказать, но я думаю, тебе понадобится специалист. Не переживай, я найду тебе лучшего врача. А может, все не так серьезно, и я сам справлюсь? Не думай об этом. Тебе нужно выспаться. Завтра не нужно на работу, оставайся у меня, выпишись. Я уйду, вернусь часам к шести, может, приготовишь ужин?

Дин замялся:

— Учитель Ян, я... завтра...

— Что завтра? — Ян лихорадочно соображал, как убедить Дина остаться — лучше всего надолго, чтобы продолжать наблюдение. Ему не терпелось записать весь сегодняшний разговор в личное досье Дина!

— Твоя квартира сейчас не пригодна для жизни, — сказал Ян. — По прогнозу завтра снова дождь, возвращаться туда нельзя. Не в отель же ехать? Давай так: завтра сходишь за вещами и переедешь ко мне.

Он мельком глянул на лицо Дина и тут же добавил:

— Как найдешь подходящее жилье, съедешь. К тому же, тебе нужно заняться поиском работы.

Дин покачал головой:

— Не хочу вас беспокоить. Завтра я приведу все в порядок и смогу там жить.

— Зачем? — Ян старался переубедить его. — Честно говоря, твое жилье сейчас совсем не подходит для нормальной жизни. Работы нет, платить аренду накладно. Живи пока у меня, я

почти всегда на работе, мешать не буду.

— Я не это имел в виду... — начал Дин.

Ян перебил:

— Послушай, я сам пока не до конца понимаю, что с тобой происходит, нужно наблюдать. У тебя провалы в памяти, жить там одному опасно. Да и квартира большая, я один, только на выходных приходят клиенты. Переезжай, хоть помогать будешь по хозяйству.

Дин опустил глаза и, не дав четкого ответа, тихо сказал:

— Спасибо вам, учитель Ян.

Ян не понял, согласие это или отказ, но надеялся, что на пару-тройку дней парень останется. Он подтолкнул Дина:

— Иди спать.

Дин Цыму закрыл дверь, сел на мягкую кровать и начал размышлять. Очевидно, долго сидеть на шее у учителя Яна нельзя. Нужно искать работу. Но если он не избавится от привычки драться в состоянии аффекта, снова вылетит. Хуже всего то, что он не помнит самих драк. А если понадобится психиатр? Это огромные деньги. Да и консультации у Яна тоже наверняка стоят денег — в этом мире бесплатный сыр бывает только в мышеловке.

Какую работу искать? И если переезжать, то поближе к дому учителя Яна, чтобы было удобно ходить на сеансы. Но цены здесь кусаются, даже на самые маленькие каморки.

Ах да! Ян сказал, что порекомендует врача. Значит, лечить его будет не добрый и понимающий учитель Ян, а какой-то незнакомец. Ему придется рассказывать чужому человеку обо всем, даже о детстве...

Разве можно рассказывать такое посторонним? Что будет, если он расскажет? Поможет ли врач, если это действительно психическое заболевание? А если не поможет? Снова искать другого? Снова все пересказывать? А если и это не сработает? Неужели он сойдет с ума?

Дин бессмысленно смотрел в окно. Шторы были раздвинуты, и через стекло виднелись огни соседнего дома — в каждом светящемся квадратике разыгрывались чьи-то драмы. В стекле отражалась комната: простая обстановка, большая кровать и молодой человек в старой хлопковой домашней одежде, растрепанный и ошеломленный.

Он сидел прямо, но казалось, что он вот-вот рухнет.

Что с ним? — вдруг подумал Дин. — Почему он так напуган? Почему не спит так поздно? Он выглядит ужасно, может, стоит его утешить? Что сказать? Ответит ли он, если я задам вопрос?

Дин Цзыму мучительно сопереживал этому человеку в отражении. Он чувствовал исходящие от него страх и одиночество — те самые чувства, в которых он сам тонул долгое время.

Впрочем, у него есть друзья: госпожа Фэн, Ло Ян, брат Чжэн, учитель Ян. А тот, в окне, казался брошенным всем миром.

<http://bllate.org/book/19775/1948320>